

Мюррей Букчин. Социальный анархизм или анархизм образа жизни: непреодолимая пропасть (часть 1)

Часть 1

В течении двух столетий анархизм – самое вселенское объединение анти-авторитарных идей – развивался в напряжении между двумя в своей основе противоречивыми тенденциями: персоналистской приверженности индивидуальной свободе и коллективистской приверженности социальной свободе. Эти тенденции совсем не будут примирены в истории либертарной мысли. Действительно в течении большей части последнего столетия они легко сосуществовали с анархизмом, скорее как минимальное кредо оппозиции Государству, нежели максимальное кредо, отчётливо выработавшее вид нового общества, которое должно быть создано в этом самом месте. Впрочем нельзя сказать что различные школы анархизма не защищают весьма специфические формы организации, хотя часто заметно их несогласие друг с другом. По существу, однако, анархизм в целом продвинулся в том, что Исайя Берлин назвал ‘негативной свободой’, то есть скорее формальной ‘свободой от’ нежели реальной ‘свобода для’. Действительно анархизм часто прославляет свою приверженность негативной свободе, как доказательство своего собственного плюрализма, идеологической терпимости или созидательности – или даже тем более, как доказал один постмодернистский священник своей бессвязности. Неудача анархизма в разрешении этого напряжения, в отчётливости отношения индивидуума к коллективу, и в формулировании исторических обстоятельств, которые могли бы сделать возможным безвластное анархическое общество порождает проблемы в анархистской мысли, которые остаются нерешёнными и по сей день. Пьер Жозеф Прудон больше многих анархистов своего времени пытался сформулировать довольно конкретный образ либертарного общества. Основанное на различиях, по существу между мелкими производителями, кооперативами и комуннами, видение Прудона напоминало о провинциальном ремесленном мире, внутри которого оно было рождено. Однако его попытке смешать покровительственное, часто патриархальное понятие о свободе с договорной социальной организацией не хватало глубины. Ремесленник, кооператив и коммуна, связаны друг с другом скорее согласно буржуазными договорными понятиям о справедливости или правосудии, нежели коммунистическими понятиями о способностях и потребностях, отразившихся в предубеждениях мастеровых о личной автономии, позволяющий любому моральному соглашению, обращённому к коллективу оставаться вдали от добрых намерений его членов. Действительно известное прудоновское заявление о том, что ‘всякий кто накладывает на меня руку, чтобы править мной есть узурпатор и тиран; я объявляю его своим врагом’ сильно склоняется в сторону персоналистской, негативной свободы, оттеняющей его оппозицию к жестоким социальным учреждениям и видение анархистского общества, которое он спроектировал. Его заявление легко гармонирует с отчётливо – индивидуалистическим заявлением Уильяма Годвина ‘Единственной властью, которой я готов принести искреннее

послушание, является решимость моего собственного понимания, диктующая моей собственной совестью'. Годвиновская апелляция к 'авторитету' его собственного понимания и совести, как и прудоновское осуждение 'руки', угрожающей ограничить его свободу, придала анархизму безмерно индивидуалистический толчок.

Убедительные, какими и должны быть все декларации – а в Соединённых Штатах они получили важное восхищение со стороны так называемого либертарианского права (или если быть точнее права собственности), с его признаниями 'свободной' предприимчивости – они показали, что анархизм очень не в ладу с самим собой. В противоположность этому Михаил Бакунин и Пётр Кропоткин придерживались по существу коллективистских взглядов – в случае Кропоткина откровенно коммунистических. Бакунин выразительно признавал преимущество социального над индивидуальным. Общество, пишет он, 'предвосхищает и в то же самое время переживает каждую человеческую личность, напоминая в этом отношении Природу. Оно вечно, как и Природа, или скорее, будучи рождённым на нашей земле, оно будет сохраняться также долго, как и сама земля. Радикальный бунт против общества, следовательно, просто невозможен для человека, как и бунт против Природы, человеческое общество является ничем иным, кроме как последним великим проявлением или творением Природы на земле. А личность, возжелавшая восстать против общества... должна поместить себя выше бледности реального существования'. Бакунин часто выражал свою оппозицию индивидуалистическому направлению в либерализме и анархизме с приданием важного полемического значения. Хотя общество 'находится в долгу перед личностями' писал он в относительно умеренном заявлении, строй личности является социальным: 'даже самая жалкая личность нашего современного общества не может существовать и развиваться без совокупных социальных усилий бесчисленных поколений. Поэтому личность, её свобода и смысл являются продуктами общества, а не наоборот: общество не продукт личностей, которых оно содержит в себе; и выше того, чем более полностью развита личность и чем более значительна её свобода – тем больше она является продуктом общества, тем больше она получает от общества, тем величественнее его долг ему'. Кропоткин, со своей стороны, поддерживал придание особого значения коллективу с замечательной последовательностью. В его, вероятно, самой широко читаемой работе, статье 'Анархизм' для Британской Энциклопедии, Кропоткин отчётливо определил экономические концепции анархизма, как 'левое крыло всех социализмов', призывающее к радикальной отмене частной собственности и Государства 'в духе местной и личной инициативы и к свободной федерации от простого к сложному, вместо сегодняшней иерархии от центра к периферии'. Кропоткинские работы по этике, фактически, включают подтверждённую критику попыток либералов противопоставить личность обществу, а в действительности подчинить общество личности или эго. Он честно определял своё место в русле социалистической традиции. Его анархо - коммунизм, утверждённый на успехах в технологии и возрастающей продуктивности, стал преобладающей либертарной идеологией в 1890-е, устойчиво проталкивая коллективистские понятия о распределении, основанном на равенстве. Анархисты 'совместно с большинством социалистов', подчёркивал Кропоткин, осознают необходимость 'в периодах ускоренного развития, которые они называют революциями', максимально уступая дорогу обществу, основанному на федерациях 'каждого города или комунны местных групп

производителей и потребителей’.

С появлением анархо-синдикализма и анархо – коммунизма в конце девятнадцатого – начале двадцатого века, необходимость в решении напряжённого состояния между индивидуалистской и коллективистской тенденциями по существу стала спорной. Анархо – индивидуализм в большей степени был маргинализован массовыми социалистическими рабочими движениями, в которых большинство анархистов считали себя левым крылом. В эру бурных социальных сдвигов, отмеченную взлётом массового движения рабочего класса, достигшего своей высшей точки в 1930-е и во время Испанской Революции, анархо-синдикалисты и анархо – коммунисты не меньше, чем марксисты считали анархо - индивидуализм мелкобуржуазной экзотикой. Они часто нападали на него немного прямолинейно, как на блажь среднего класса, укоренённого более в либерализме, нежели в анархизме. В тот период, индивидуалисты, едва принимаемые во внимание, во имя своей ‘уникальности’ игнорировали необходимость энергичных революционных форм организации с последовательными и убедительными программами. Далёкие от потакания метафизике эгоизма Макса Штирнера и её ‘уникальности’, анархо – активисты нуждались в элементарной теоретической, дискурсивной и программно-ориентированной литературе, и нужда в которой компенсировалась, среди всего прочего Хлебом и Волей Кропоткина (London, 1913), El organismo economico de la revolucion Диего Альбада де Сантьяса (Barcelona, 1936) и Политической философией Бакунина Григория Максимова (опубликованной на английском в 1953 году через три года после смерти Максимова; дата оригинальной компиляции не дана в английском переводе, может быть она была издана годами, а то и десятилетиями ранее). Никакой штирнеровский ‘Союз эгоистов’ так никогда и не добился известности – даже предполагая, что такой союз может быть учреждён и уцелеет, благодаря ‘уникальности’ своих эгоцентричных участников.

Индивидуалистический анархизм и реакция

Вне всякого сомнения, идеологический индивидуализм не исчез в целом за время этого периода всеобщих социальных волнений. Объёмное хранилище индивидуалистических анархистов, особенно в англо-американском мире, было взлелеяно идеями Джона Локка и Джона Стюарта Милля, а также собственно Штирнера. Доморощенные индивидуалисты с изменчивыми степенями приверженностями либертарным взглядам засорили анархистский горизонт. На практике анархо - индивидуализм привлекал внимание педантичных личностей от Бенджамина Таккера в Соединённых Штатах, придерживавшегося причудливой версии свободного рынка до Федерики Монтсени в Испании, которая часто чтит свои штирнеровские взгляды на разрыв отношений. Несмотря на признание анархо – коммунистической идеологии, ницшеанцы вроде Эммы Голдман оставались в своём духе бок о бок с индивидуалистами. Едва ли любой из анархо – индивидуалистов осуществлял влияние на появляющийся рабочий класс. Они выражали свою оппозицию в характерных персоналистских формах, особенно в пламенных речах, скандальном поведении и блудном образе жизни в культурных гетто конца века в Нью-Йорке, Париже и Лондоне. Как убеждение анархо – индивидуализм оставался в большой степени образом жизни богемы, наиболее заметной в своём требовании сексуальной

свободы ('свободной любви') и страстно увлечённой нововведениями в искусстве, поведении и одежде.

Это происходило во времена суровых социальных ограничений и тупиковой социальной неподвижности, благодаря чему индивидуалистические анархисты вышли на передний план либертарной активности – и тогда в основном, как террористы. Во Франции, Испании и Соединённых Штатах анархисты – индивидуалисты совершили теракты, которые придали анархизму репутацию жестокого, зловещего сговора. Те, кто стали террористами, часто не столько были либертарными социалистами или коммунистами, сколько отчаянными мужчинами и женщинами, использующими оружие и взрывчатку, чтобы заявить протест против несправедливостей и мещанства своего времени, мнимо выраженный в названии 'пропаганда действием'. Чаще, однако, индивидуалистический анархизм выразил себя в дерзком с точки зрения культуры поведении. Оно стало известным в анархизме именно в степени с тем, что анархисты утратили связь с жизнеспособной публичной сферой. Сегодняшний реакционный социальный контекст значительно объясняет появление феномена в европейско-американском анархизме, который нельзя игнорировать: распространение анархо – индивидуализма. Во времена когда даже уважаемые формы социализма пребывают в беспорядочном отступлении от принципов, которые в любом случае могут быть истолкованы, как радикальные, вопрос образа жизни ещё раз занимает место социального действия и революционной политики в анархизме. В традиционно индивидуально-либеральных Соединённых Штатах и Британии 1990-е выплеснули на поверхность самопровозглашённых анархистов, которые – оставив в стороне свою экстравагантную радикальную риторику – культивируют современный анархо – индивидуализм, который я буду называть анархизмом образа жизни. Его озабоченность эго, собственной уникальностью и собственными многообразными концепциями сопротивления устойчиво разрушает социалистический характер либертарной традиции. Не меньше, чем на марксизм и другие социализмы, на анархизм могла глубоко повлиять буржуазная окружающая обстановка о борьбе с которой он заявляет, в результате чего растущая 'внутренняя сила' и нарциссизм поколения яппи оставляет свой след на многих признанных радикалах. Для этого авантюризм, личная бравурность, отвращение к теории, странно родственные антирациональным предрассудкам постмодернизма, торжеству теоретической бессвязности (плюрализма), в своей основе аполитичной и анти-организационной приверженности воображению, желанию и экстазу, а также сильному ориентированному на себя очарованию повседневной жизни отражают потери, которые социальная реакция причинила европейско-американскому анархизму в последние два десятилетия. В течение 1970-х годов, пишет Катинка Мэтсон, составитель краткого руководства по технике личностного психологического роста произошли 'ошибочные изменения в аспекте, которым мы познавали себя в мире'. '1960-е' – продолжает она – 'ознаменовались занятиями политическим активизмом, Вьетнамом, экологией, тусовками, коммунарами, наркотиками и так далее. Сегодня мы обращаемся внутрь: мы стремимся к самоопределению, самосовершенствованию, личным достижениям, личному просвещению'. Вредный маленький зверинец Мэтсон, собранный для журнала *Psychology Today*, включает в себя каждую технику от акупунктуры к Ай Чинь, от электросудорожной до зональной терапии. Оглядываясь назад, она может быть, хорошо

включила анархизм образа жизни в учебник по укреплению духовностью, большая часть которого поощряет скорее идеи об индивидуальной автономии, чем о социальной свободе. Психотерапия во всех своих изменениях культивирует направляемое внутрь 'Я', которое ищет автономии в неподвижном психологическом состоянии эмоциональной самодостаточности – а не социально вовлечённое Я, выраженное свободой. В анархизме образа жизни, как и в психотерапии, это противопоставлено коллективу; я – обществу; личное – общему. Это – точнее его воплощение в различных образах жизни – стало идеей фикс для многих появившихся после 1960-х анархистов, утративших связь с необходимостью создания организованной, коллективистской, программной оппозиции существующему общественному порядку. Бесхребетные протесты, неуправляемые эскапады, самоутверждения и очень персоналистская 'деколонизация' повседневной жизни проходят параллельно с психотерапевтическими, нью-эйджевыми, ориентированными на себя образами жизни уставших бейби-бумеров и представителей Поколения X. Сегодня то, что считается за анархизм в Америке и всё более в Европе это немного больше, чем занятый самопознанием персонализм, который очерняет важные общественные обязательства; это столкновения групп различным образом переименовываемые в 'коллективы' или 'аффинити-группы'; это состояние разума надменно высмеивающего структуру, организацию и общественную вовлечённость, площадка, предназначенная для детских шалостей. Сознательно или нет, многие анархисты образа жизни чаще выражают призыв Мишеля Фуко к 'персональному бунту', чем к социальной революции, предпосланной таким образом, словно является двусмысленной и космической критикой власти, таким до некоторой степени требованием учредительных полномочий угнетённых в народных собраниях, советах и/или конфедерациях. В пространстве, где это общее направление исключает реальную возможность социальной революции – в обоих случаях 'невозможной' или 'воображаемой' – это портит социалистический или коммунистический анархизм в фундаментальном смысле. Действительно Фуко поощряет перспективу того, что 'сопротивление никогда не находилось в позиции внешности по отношению к власти... Следовательно не существует единственной [читай: универсальной] траектории Великого Отказа, нет мятежной души, источника всех восстаний или чистого закона для революционера'. Схваченные, словно мы все находимся в вездесущих объятиях власти, такой космической, что исходя из преувеличений и двусмысленностей Фуко, сопротивление всецело становится полиморфным, мы тщетно дрейфуем между 'одиночеством' и 'неистовством'. Его изгибистые идеи приводят к точке зрения о том, что сопротивление обязательно должно быть партизанской войной, которая всегда существует – и которая неизбежно терпит поражение. Образ жизни, подобный индивидуалистическому, анархизм поддерживает пренебрежением к теории, с мистическими и примитивистскими ответвлениями в целом слишком неясными, интуитивными и даже антирациональными, если анализировать прямо. Они собственно являются скорее симптомами, нежели причинами общего течения в направлении освящения себя, как убежища от существующих социальных недомоганий. Тем не менее, в большой степени персоналистские анархизмы всё ещё имеют определённо мутные предпосылки придать себе критическое исследование.

Их идеологическая родословная в основном либеральная, основанная на мифе о полностью автономной личности, чье требование собственной независимости обоснованы не требующими доказательств 'естественными правами', 'присущими стоящим' или на более сложном уровне, интуитивным кантовским трансцендентальным эго, производным от всей познаваемой реальности. Эти традиционные взгляды находятся на поверхности в концепции 'Я' или эго Макса Штирнера, которое разделяет с экзистенциализмом тенденцию впитывать всю реальность в себя, словно вселенная вращается по выбору ориентированной на себя личности. Современные работы об анархизме образа жизни в целом делают шаг в сторону штирнеровского повелителя, всезаклюющего 'Я', хотя и поддерживающего его эгоцентричное ударение и направляющегося к экзистенциализму, переработанным ситуационизму, буддизму, даосизму, антирационализму и примитивизму – или если говорить вселенски ко всему вышеперечисленному в различных ипостасях. Их общины, как мы увидим, напоминают о возвращении к имевшему место быть до грехопадения подлинному, часто распространённому и даже раздражительно инфантильному эго, которое мнимо, предшествует истории, цивилизации и сложным технологиям – возможно даже языку – и они пропитаны больше реакционными политическими теориями, появившимися в течение прошедшего столетия.

Перевод: Penguin86